

П. В. БАШАРИН

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу С. В. Кулланды «Скифы: язык и этногенез»

(Sergei Kullanda. The Scyths: language and ethnogenesis.

М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 215 с.)

Монография С. В. Кулланды подводит некоторый итог циклу работ автора, посвященных вопросам скифского языка. Скифские имена собственные и социальные термины являются важным источником не только для лингвистов, но и для историков. На основе их этимологизации Д. С. Раевский, развивая идеи В. И. Абаева (1949: 242–243) и Э. А. Грантовского (1960: 7–9), построил специфическую концепцию о характере скифского общества и его картине мира. Например, в именах трех легендарных братьев, Липоксая – Арпоксая – Колаксия (соответственно, **ripa* ‘горы’ по аналогии с названием Рипейских гор, **āpra* ‘глубокий’, **xʷar* ‘солнце’), он видел отражение представлений о трех мирах: верхнего – небесного, среднего – надземного и нижнего – подземных вод. Ряд этимологизаций, в том числе и приведенная выше, не имели под собой достаточных оснований и носили спекулятивный характер¹. Однако эти гипотезы легли в основу трактовки ряда предметов материальной культуры, связанных с культурами скифского круга, и позднее получили распространение в среде специалистов по скифской археологии.

На основании анализа скифского ономастикона в науке до сих пор господствует мнение о чисто гипотетическом разделении скифского и сарматского языков. В отечественной науке данная установка была сформирована работами В. И. Абаева, понимавшего под скифским языком «общее название для всех скифо-сарматских наречий и говоров, которые существовали на территории Причерноморья в период от VIII–VII вв. до н.э. до IV–V вв. н.э.»² и отказавшегося от разделения скифских и сарматских имен собственных. Схожих установок придерживаются и ведущие западные иранисты (М. Майрхофер и Р. Шмитт). Таким образом, по замечанию автора,

¹ Раевский 1977. См. их критику в рецензируемой монографии (с. 119–120).

² Абаев 1949: 147. Этой точки зрения ученый придерживался в течение всей своей жизни.

скифский в понимании упомянутых ученых являлся «конгломератом разновременных фонетических явлений, характерных для разных подгрупп иранских языков» (с. 5). Археологи часто отождествляют понятия «скифский» и «иранский».

К. Т. Витчак впервые предложил фонетические критерии разделения скифского и сарматского. Самым важным дифференцирующим признаком стало развитие в двух языках праиранского **d*, отразившегося как *l* в скифском и как *d* в сарматском.

Рецензируемая монография состоит из трех глав. Первая посвящена предыстории скифов и открывается анализом вопроса прародины индоиранцев и иранцев. Ссылаясь на ряд заимствований в прафинно-угорский язык, демонстрирующий фонетические переходы, характерные для индоиранского, а не для праиранского (отсутствие переходов **s > h*, **kš > xš*), автор предлагает локализовать прародину индоиранцев в зоне, контактной с тогдашним проживанием финно-угров, не слишком далеко от таёжной зоны. Предположение о позднем переходе **s > *h* для иранских, позволяющее видеть в народе, контактировавшем с финно-уграми, не индоариев, а иранцев, выдвигавшееся с 60-х годов прошлого века некоторыми известными иранистами, так и не нашло достаточного обоснования (с. 17). С другой стороны, известная гипотеза Е. А. Хелимского о некоем не оставившем потомков индоарийском языке как об источнике этих заимствований, скорее применима к более позднему пласту заимствованной лексики.

Контактировали с индоиранцами также носители правосточнокавказского (пранахского) языка и картвелы. Потенциальным заимствованиям из северокавказских языков было посвящено несколько статей С. В. Кулланды¹. В рецензируемой монографии автор обобщает выводы этих публикаций. Опираясь на нерегулярные передачи ряда рефлексов в индоарийских и иранских языках, он полагает, что говорить о единовременном заимствовании северокавказской лексики не представляется возможным. Большинство сопоставлений представляются вполне удачными, например, ἀκίῶκις ‘персидский меч’, этимологии которого до сих пор не предлагалось, из прапах. **hāhki-* ‘железо’, **neḱV* ‘нож’². Выведение др.-инд. *gandharvá* и авест. *gandərəβa-* из потенциального прапахского словосложения **kanat* ‘мальчик, юноша; молодец, удалец’ + **vāri* ‘шайка, банда’ не выглядит столь же надежным. Сложность локализации носителей картвельских и восточнокавказских языков в 3–2 тыс. до н.э. не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о локализации индоиранцев, хотя напрашивается вывод об их

¹ Кулланда 2012; KULLANDA 2014.

² Автор не приводит на страницах монографии их полного списка, отсылая к выше цитируемым статьям.

продвижении с раннеиндоевропейской прародины через Кавказ в исторически засвидетельствованные места их обитания. Неясно, как эти данные увязываются с финно-угорскими контактами.

С другой стороны, восточнокавказские заимствования продолжают и отдельно в восточноиранские языки. Напрашивается логичный вывод, что последние могли заимствовать ряд лексем в процессе своего движения через Кавказ на Иранское нагорье и далее в Среднюю Азию. Этот аргумент является еще одним доводом в пользу движения праиранцев через Кавказ.

С. В. Кулланда полагает, что восточные иранцы населяли область Нижнего Поволжья. Аргументами для такого предположения служит авестийский гидроним *Raṇhā*, тождественный 'Pā Клавдия Птолемея и идентифицирующийся с Волгой, а также упоминание бобров (бобрих), из чьих шкур состоит облачение авестийской богини Ардвиги Суры Анахиты, между тем как в Аму-Дарье и Сыр-Дарье эти животные не обитают.

Сепаратные контакты собственно скифского проследить не удастся. Финно-пермские иранизмы, которые В. И. Лыткин считал заимствованиями из юго-восточных иранских языков на основании наличия в них озвончения интервокального *-š- в -ž-, могут демонстрировать собственно финно-пермское озвончение.

Вторая глава посвящена скифскому языку и культуре. Анализируя археологические материалы, маркеры продвижения носителей скифской культуры, автор приходит к выводу, что носители скифской материальной культуры пришли из Приаралья, откуда происходит самая значительная часть категорий артефактов.

Основную часть второй главы составляет скифский глоссарий (с. 41–96). Анализируя все известные научные гипотезы по каждой конкретной лексеме, автор предлагает ряд новых этимологий. Анализ большего числа разбираемых этимонов до сих пор служит предметом острой полемики¹.

В конце словника автор реконструирует несколько этимонов, не зафиксированных в письменных памятниках: **gauuārga* этноним, ***θarmi* 'вид дерева', ***malaxa* (?) 'саранча', **paraθu-* 'топор', **raθana-* 'ремень, веревка'. Однако *malax* скорее всего было заимствовано из языка типа согдийского (где оно, правда, не зафиксировано, но где, с другой стороны, слова для саранчи пока не найдено) или бактрийского.

Предположение автора, что согдийцы могли использовать графический *ламед* (l) для передачи звука δ (на том основании, что в перенятом согдийцами арамейском курсиве *далет* и *реш* не различались, а *ламед* в согдийском использовался только в заимствованиях за отсутствием там

¹ Разбор примеров см. ниже.

звука *r*) (с. 98), лишено достаточных оснований. Гипотеза о существовании согдийского диалекта, где существовал переход $\delta > l$, представляется более обоснованной, тем более что данный гипотетический согдийский диалект разделяет эту особенность с юго-восточными иранскими языками. Даже если предположить, что пласт потенциальных согдийских заимствований в персидском на самом деле пришел из бактрийского, для существования подобного диалектального перехода в согдийском остается достаточно оснований (использование *l* для обозначения спирантов δ и θ)¹.

Третья глава содержит характеристику основных фонетических особенностей скифского языка. Вслед за К. Т. Витчаком, С. В. Кулланда трактует все случаи появления скифского *l* как отражение восточноиранского δ и, соответственно, общеиранского **d*. Переход в δ осуществился к VIII в., о чем свидетельствуют, с одной стороны, ассирийская и вавилонская передача самоназвания скифов *ašguza*, *asguza*, *iškūzaia*, а с другой, – греческая *Σκόθαι* < **Skuda*. Известна и передача семитского *d* через тету в греческих текстах.

Этноним *Σκόλοτοι* является более поздней передачей и отражает переход $\delta > l$ (**Skula*). С другой стороны, этноним *Σκύθαι*, согласно С. В. Кулланде, наглядно демонстрирует эволюцию фонемы, обозначаемой тетой: переход из придыхательного в спирант. Из этого, полагает автор, следует, что первыми со скифами познакомились не ионийцы, с которыми имели дело жители Передней Азии, а дорийцы, т.е. население Балканского полуострова (если только этноним не попал к грекам через фракийскую передачу, что представляется более вероятным).

Гипотеза о таком переходе снимает проблему объяснения *l* в греческих передачах скифских имен ввиду преобладавшего в иранских языках ротацизма. С другой стороны, она заставляет пересмотреть ряд старых трактовок, связанных с социолингвистической областью. Например, имя *Παρίσαλος*, встречающееся в эпиграфике Крыма и Таманского полуострова, традиционно считается фригийским. С. В. Кулланда предположил, что это скифизированная форма имени боспорского царя Перисада (*Παρισάδης*).

Автор полагает, что данный переход является общегенетическим для юго-восточных иранских языков. Согласно Д. И. Эдельман, материал языков Гиндукуша, где изменение прослеживается в нуристанских и дардских языках, демонстрирует ареальный характер этого перехода. Однако,

¹ Ср., однако, исследование П. Б. Лурье и И. С. Якубовича, где демонстрируется, что все доказательства наличия ламбдаизма в постулируемом согдийском диалекте можно переинтерпретировать, а источником заимствования лексем с *l* в персидском является не согдийский, а бактрийский (Lurje, Yakubovich forthcoming).

согласно ряду исследований (П. О. Шервё, А. И. Коган), это явление в языках Восточного Гиндукуша может объясняться влиянием иранских языков. С. В. Кулланда ссылается на заимствования из юго-восточных иранских языков в древнеиндийский: передача топонима Бактрия (авест. *Bāxδī-*) как *Bāxlika*, *lipi* ‘письмо’ при западноиранском *dipi* (куда лексема, восходящая к шумерскому, попала через аккадский или эламский). Однако нужно заметить, что индийский материал демонстрирует не юго-восточные иранизмы вообще, а заимствования из бактрийского (de Blois 2013, 269).

Второй характерной особенностью скифской фонетики, согласно С. В. Кулланде, является переход начального *xš- в сибилант, что передавалось *сигмой* в греческой графике. В отличие от этого, в сарматском *xš- сохранялся и передавался греческой *кси*. На основании этого С. В. Кулланда отказывается от находящей поддержку у ряда современных ученых гипотезе о сарматской атрибуции племени саев и вслед за Б. Н. Граковым видит в них скифов.

Любопытно объяснение автором перебоев передачи иранских имен собственных с этимологическим начальным xš- в ассирийской, эламской и греческой передачах (типа ассир. *ká-aš/kaš-ta-ri-tu* < *Xšaθrita*, греч. ξατράπης (эпиграфич.) < **xšaθrapā-* при элам. *sa-tar-pa/ba-nu* < *Xšaθrapāna*, греч. σατράπης < **xšaθrapā-*). Подобные несоответствия вызваны различием в произношении самих иранцев (особенно на фоне того, что греки в остальных случаях различали иранские xš- и š/s-). Практически все имена, содержащие подобные перебои, отражают особенности мидийской фонетики (*θr* вместо др.-перс. *ç*). Исключением является первая часть имени, зафиксированного в арамейской графике на ахеменидской булле из Телло *ššhmr* < *xšaça* (согласно В. Хинцу). При этом переход *xš- > *s* не был характерен для западных иранских языков (мидийского и древнеперсидского). Автор объясняет эти передачи отражением скифской фонетики (общеиранское **θr* отражается в греческих передачах скифских имен как *τρ*). Этот процесс мог быть вызван влиянием кочевого скифского элемента на местное мидийское население.

Сложность представляет собой объяснение интервокального *-d-*, появляющегося в ряде имен. Автор полагает, что в данных этимологиях мы имеем дело с отражением не *-d-*, а *nt-* > *d*. Ради этого он пересматривает традиционные этимологии: Μανδύες из **mantu-* ‘советник, правитель’, при общепринятой этимологии **madu-* ‘мед’, Αμάνδοκοι из **a-mantu-ka* ‘не имеющие правителей’, при общепринятой этимологии **āmādaka* ‘сырядцы’ из *āma* ‘сырой’ и *ad* ‘есть’. С другой стороны, по мнению автора, сочетание **nd-* сохранялось как в Ἰνδάνθυρος, сопоставляемом с древнеперсидским *Viⁿdafarnah-* Бехистунской надписи. Последнее передавалось по-гречески как Ἰνταφέρνης /Ἰνταφρένης.

Интересна в этой связи трактовка гидронима Παντικάλης, традиционно объясняемого как ‘Путь (*panti*) рыбы (*kapa*)’. Во-первых, *-nt-* < **nθ-* могло не переходить в *d*. Во-вторых, гидронимы не обязательно имели скифское происхождение: ср. ниже о названии Дона Τάναϊς (сами скифы, согласно Плинию Старшему, называли Дон Силисом).

Согласно гипотезе автора, **ś* дало скифское *θ*, вопреки общему для всех прочих восточных иранских *s*. Последний рефлекс отражен в передаче массагетских имен. Массагетскому имени собственному у Геродота Σπαργαλίσης соответствует скифское Σπαργαλεΐθης. Следует заметить, что этот переход отражен в именах с элементом πείθης. Фасмер предложил влияние греческого элемента *-πείθης-* у Геродота. С. В. Кулланда полагает, что это влияние не могло быть решающим, и приводит в пример потенциальные скифизмы в осетинском типа *færæt* ‘топор’ < **paraθu* < **paraśu*, где *θ* появляется без всякого греческого посредства (при ожидаемом осетинском развитии **ś* > *s*).

Этноним Θισαμίται сопоставляется с др.-инд. *śiṣ-* ‘оставлять; выделять’ и трактуется как ‘отклонившиеся, удалившиеся’. Автор приводит экстралингвистический довод – сообщение Геродота о «скифах, отложившихся от царских скифов», живших к востоку от Меотиды (Азовского моря). Однако фисаматы жили в Причерноморье. Это географическое несоответствие автор объясняет перемещением скифских племен на протяжении III в. до н.э. (упоминание фисаматов встречается в декрете Протогена, предположительно конца этого столетия).

Особый случай развития **ś* в скифском демонстрирует ряд имен божеств. Во-первых, это имя скифского Аполлона **Φοῖτόσυρος*, вторую часть которого автор предлагает связывать с младоавест. *sūr* (<**śūah-*) ‘утро’ или из **śūra* ‘сильный, могучий’. Третий элемент имени Афродиты Урании Ἀρφιδίασα автор возводит к **āsā-* ‘надежда’. Если считать, что имя Θισαμιάδας содержит во второй части основу **ā-sad-* ‘восседать, властвовать’, то оно тоже демонстрирует нетипичное для скифского развитие **ś*. В этих случаях С. В. Кулланда полагает, что данные имена могли войти в скифский из другого арийского языка. Таким потенциальным источником он считает меотский или синдский.

Реконструкция некоторых фонем предположительна, в связи с отсутствием надежных примеров, например *v* < **xʷ*.

С. В. Кулланда исходит из предпосылки существования единого скифского языка, чьи фонетические особенности в одинаковой степени нашли отражение в иноязычных передачах: греческой, ассирийской, мидийской, авестийской и проч. Между тем, более реальной представляется гипотеза о существовании ряда скифских диалектов, которые могли иметь

различные фонетические особенности. Тем более что автор анализирует не только диалект «царских скифов» (зафиксированный у ряда греческих авторов), который мог представлять собой койне, но и данные греческой эпиграфики Причерноморья.

Скифский материал фиксировался в греческой графике на протяжении нескольких веков, начиная от Геродота (V в. до н.э.), в причерноморской эпиграфике (V–II в. до н.э.), у Лукиана (II в. н.э.) и Гесихия (V в. н.э.)¹. При этом система передачи скифской фонетики видоизменялась. Например, переход **d > l* ряд иранистов связывал исключительно с диалектом «царских скифов». Впервые об общескифских процессах заговорил, кажется, только К. Т. Витчак.

Далеко не все греческие авторы имели о скифском языке точные представления. Типологически любая передача фонетики иноязычных имен часто грешит неточностями и гиперкоррекциями, даже при условии, что передатчик в некоторой степени владеет данным языком.

Это видно по гиперкоррекциям в передаче скифского вокализма в приводимом автором лексиконе. Картина усложняется, если мы допускаем наличие ряда диалектов в самом скифском. В связи с этим не исключается и спорадическое различное отражение одних и тех же рефлексов.

Принятая автором гипотеза о едином скифском языке, а не ряда скифских диалектов, которые могли иметь различные фонетические особенности, порождает необходимость ревизии ряда этимологий. Например (если рассматривать примеры с самого начала глоссария), этноним *Ἀμάδοκοι* традиционно этимологизировался как **āmādaka* ‘сырядцы’ из *āma* ‘сырой’ и *ad* ‘есть’ (по В. Томашеку). С. В. Кулланда предлагает возводить лексему к **a-mantu-ka* ‘не имеющие правителей’, от **mantu-* ‘правитель’ или даже видеть в нем не скифский этноним. Возведение ΑΔΟΥΕΝΣ (имя из Фанагории) к **hada-uxšan-* ‘богатый быками’ (этимология С. Р. Тохтасьева) также не принимается, т.к. **d* должно было перейти в *l*. В этом этимоне С. В. Кулланда предлагает видеть заимствование из какого-то иранского языка, где не произошло данного перехода.

Спорадические колебания рефлексации можно проследить на примере *θ*. В ранних греческих передачах она отражает *δ* (в Σκύθαι < **Skūda*), а в большинстве этимонов соответствует *θ < *ś* (например, Αθύρας из **aśu-* ‘быстрый’). Также тета появляется в отражении кластера *-st-* (*σθ*) Βορυσθένης / Βαρυσθένης < **bauru-stāna* ‘место, [где водится] бобр’ (при этом автор не принимает предлагаемую А. Лома этимологию, допускающую **varu-thana-*, **varauš-thana-* ‘пойма [реки] Вору’). Наконец, встречается случай соответствия *θ- ~ t-* в композите Ἰνδάθυρσος. Для данного

¹Мы упоминаем исключительно датировку материала, приводимого автором.

композиата предложен ряд этимологизаций, но ни одна из них не предполагает отражение теты во втором элементе. С. Р. Тохтасьев на этом основании полагает, что имя не восходит к диалекту царских скифов¹.

Отдельная часть главы посвящена вопросу потенциальных скифизмов как в древних иранских языках, так и в различных языках близлежащих регионов. Согласно мнению П. Лекока и А. М. Лубоцкого, к скифскому словарю относится лексема *farnah-/x^varnah-* (эманация божественного света, символизирующего верховную власть). Общепринятой гипотезой является предположение, что форма *x^varnah-* первична и являлась общеиранским понятием, при том, что начальное *x^v-* нашло отражение только в авестийской лексеме *x^varənah*. В последние десятилетия получила развитие гипотеза о первичности формы *farnah-* и о том, что форма с начальным *x^v-* является результатом заимствования и гиперкоррекции. С. В. Кулланда не признает отнесения *farnah-* к скифскому словарю на том основании, что переход *p > f* перед гласным встречается в сарматском и осетинском, но не свойствен скифскому (наряду с раннесарматским!). Автор также не находит достаточных оснований в гипотезе А. М. Лубоцкого о скифском переходе **ti > θi* (на основании трех древнеперсидских слов: *duvarθi-* ‘портик, колоннада’, *skauθi-/škauθi-* ‘слабый, бедный’, **θigra(ka)-* ‘чеснок’) из-за отсутствия надежных примеров для такого перехода. Ярким примером потенциального скифизма в мидийском является этноним *Skudra*, встречающийся в древнеперсидских надписях по отношению к фракийцам, который мог произойти от самоназвания скифов (**Skuda*). Имеется и другой пример передачи восточноиранского *δ* сочетанием зубной + *r*: мидийское **Bāxtrī-* (при авест. *Bāxδī-*). С. В. Кулланда полагает, что *r* в этих примерах является эпентезой для передачи специфического восточноиранского щелевого *δ*, а не исконным согласным².

Ниже приведены случаи потенциальных скифских заимствований, постулируемых автором. Лексика текстов авестийского корпуса демонстрирует развитие **ś > θ* наряду с ожидаемым *s* (*gaēθu* наряду с *gaēsū-* ‘курчавый’ (Яшт), *aīθi-θūra-* ‘могущественный’ наряду с *sūra-* ‘сильный, могучий’ (Яшт), *ana-saxta/anaθaxta* ‘тот, чей срок еще не прошел’ (Видевдат) и т.д.); *xš > s* (*sātar* ‘властитель’ вместо **xšātar*); *sr > θr* (*θraotah-* ‘поток’ вместо **sraotah-*). Эти дублеты и замены издавна объяснялись как результаты смешения разных диалектов, вероятно, в устоявшихся культовых формулах (С. Викандер).

¹ Подробнее о различных гипотезах этимологизации этого имени см. рецензируемую монографию (с. 66–67).

² В современной иранистике, впрочем, встречаются и прямо противоположные суждения (de Blois 2013).

С. В. Кулланда не принимает. Главным аргументом является то, что помимо перехода $*ś > θ$ иных признаков древнеперсидской фонетики они не обнаруживают.

Автор делает предположение о существовании скифских объединений, образовывавших симбиоз с меотами и кобанцами. В доказательство этого он сопоставляет этноним *Maītai / Maiōtai / Maiñtai* с авест. *maēt/θ-/mit/θ-* ‘пребывать, проживать’ в смысле ‘коренные жители’. С другой стороны, автор считает меотской лексему из знаменитого митаннийского трактата Киккули *ua-ša-an-na* ‘беговой круг’, во втором слоге которой отражен не индоарийский рефлекс $*h$, а его индоиранский вариант $*žh$. Отсюда следует предположение, что арии могли составлять правящий слой меотского общества.

Меотам и синдам С. В. Кулланда определяет особую роль в этногенезе Причерноморских скифов, как арийскому (но не иранскому) народу, проживавшему в Северном Причерноморье. На то, что меоты и синды как население Северо-Западного Кавказа могли принадлежать к самостоятельной ветви арийских языков, по мнению автора, указывает ряд косвенных признаков. Во-первых, это разобранные выше имена скифских божеств, которые демонстрируют нетипичное для скифского развитие $*ś > s$. Синдов, если возводить их этноним к арийскому $*sindhu-$ ‘река’, что должно дать в иранских $*hindu$, скифы могли называть индами (что и засвидетельствовано рукописями труда Геродота, хотя издатели исправляют *Ἴνδοί* на *Σινδοί*). Симбиоз этих культур со скифской по оценке автора демонстрирует ряд особенностей материальной культуры Причерноморских скифов.

С. А. Старостин реконструировал для восточнокавказского лексему $*vǝlθi-$ ‘войлок, бурка’, считая его заимствованием из какого-то индоиранского языка (ср. авест. *varasa* ‘волос’, др.-инд. *válsa-* ‘побег, ветвь’). Фонема $*θ$ восстанавливалась им только для нескольких восточнокавказских праформ, которые не относились к исконной лексике. С. В. Кулланда полагает, что она является маркером заимствования из скифского. Он отмечает, что $θ$ регулярна для древнеперсидского и скифского. Однако предок древнеперсидского не демонстрирует развития $*ś > θ$, поскольку древнеперсидская форма названия Ассирии *Aθura* указывает на то, что это название было заимствовано с $š$, который уже позже перешел в $θ$. Данное предположение выглядит весьма гипотетично: даже если полностью принять аргументацию автора по поводу проблематичности древнеперсидского источника, сложно исходить из положения, что переход $*ś > θ$ был характерен только для двух языков, и не предположить, что могли быть и иные языки, где происходил подобный переход.

О связи с западнокавказскими, согласно С. В. Кулланде, говорит скифское **sana* 'вино' из западнокавказского **s^(w)ana* 'смородина; вино'. Оно же присутствует в осетинском *sæn / sænæ* 'вино' (В. И. Абаев полагал, что переход был противоположным – из скифского в северокавказские).

Лингвистический материал (тем более не вполне надежный, особенно в случае с **vélθi-*) не является основным решающим фактором, подтверждающим связи скифов с народами Северного Кавказа. Однако данные связи подтверждены рядом надежных археологических данных, и факт, что северокавказцы были тесно связаны с культурами скифского круга, не ставится под сомнение.

Ряд наблюдений может свидетельствовать в пользу контактов скифов с фракийцами. Ряд фракийских племен (сайи, сатры) имеют иранские наименования. Согласно ряду исследователей, об этих контактах свидетельствует этноним Σκύθαι, который мог попасть к грекам через фракийскую передачу. Упомянутый выше этноним *Skudra*, потенциальный скифизм в мидийском, встречается в древнеперсидских надписях по отношению к фракийцам и мог произойти от самоназвания скифов.

С. В. Кулланда также разделяет гипотезу Г. Хольцера о контактах скифских племен с еще одним, не индоиранским, индоевропейским субстратом, языком, в котором происходило оглушение звонких и озвончение глухих: название Дона *Távαῖς* (ПИЕ **dh₂n-* 'бежать, течь'), имя божества *Ταβίτι* (ПИЕ **dh₂p-* 'готовить ритуальную пищу').

В приложении автор дает перечень и краткую характеристику основных архаических скифских памятников (всего 16 объектов), содержащих вещи ближневосточного производства.

В конце монографии помещен указатель словоформ как скифского, так и прочих языков, затрагиваемых в тексте, что значительно упрощает поиски нужного пассажа.

Анализируя скифский языковой материал, исследователь неизбежно сталкивается с рядом альтернативных этимологизаций и трудностью в предпочтении одной из них. Ряд альтернативных скифских этимологий порождает острую полемику в кругах специалистов (см., например, Иванчик 2009; Кулланда 2011а; Он же 2011б). Положительной стороной работы является освещение всех научных теорий, наработанных учеными по каждому этимону. Она вряд ли поставит точку в вопросе этногенеза скифов, но, безусловно, станет ценным подспорьем для всех интересующихся скифским языком.

ЛИТЕРАТУРА

- АБАЕВ 1949 – АБАЕВ В. И. *Осетинский язык и фольклор*. М.–Л. [АБАЕВ V. I. *Osetinskij jazyk i fol'klor*. Moskva–Leningrad, 1949].
- ГРАНТОВСКИЙ 1960 – ГРАНТОВСКИЙ Э. А. *Индо-иранские касты у скифов*. М. [GRANTOVSKIJ E. A. *Indo-iranskije kasty u skifov*. Moskva, 1960].
- ИВАНЧИК 2009 – ИВАНЧИК А. И. К вопросу о скифском языке. *ВДИ* 2: 62–88. [IVANČIK A. I. K voprosu o skifskom jazyke. *Vestnik drevnej istorii*. 2009, 2: 62–88].
- КУЛЛАНДА 2011a – КУЛЛАНДА С. В. Уроки скифского. *Вопросы языкового родства* 5: 48–68. [KULLANDA S. V. Uroki skifskogo. *Voprosy jazykovogo rodstva*. 2011, 5: 48–68].
- КУЛЛАНДА 2011b – КУЛЛАНДА С. В. Скифы: язык и этнос. *Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика»* 2 (64) / 11: 9–46. [KULLANDA S. V. Skify: jazyk i etnos. *Vestnik RGGU. Serija «Vostokovedenije. Afrikanistika»* 2 (64) / 11: 9–46].
- КУЛЛАНДА 2012 – КУЛЛАНДА С. В. К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков. *Индоевропейское языкознание и классическая филология XVI*. СПб., 2012: 406–415. [KULLANDA S.V. K probleme leksičeskikh kontaktov severokavkazskih, indoiranskih i klassičeskikh jazykov. *Indoevropskoje jazykoznanije i klassičeskaja filologija XVI*. St Peterburg: 406–415].
- РАЕВСКИЙ 1977 – РАЕВСКИЙ Д. С. *Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии*. М. [RAEVSKIJ D. S. *Očerki ideologii skifo-sakskich plemen. Opyt rekonstruktsii skiskoj mifologii*. Moskva, 1977].
- de BLOIS 2013 – F. de BLOIS. Bactria, Bāxδī, Balx. *Commentationes Iranicae. Сборник к 90-летию В. А. Лившица* / Под ред. С. Р. Тохтасьева и П. Б. Лурье. СПб. 268–271. [Commentationes Iranicae. *Sbornik k 90-letiju V. A. Livshica*. Pod red. S. R. Tokhtas'eva i P. B. Lur'e. SPb. 268–271.]
- KULLANDA 2014 – KULLANDA S. V. North Caucasian Loanwords in Indo-Iranian and Iranian. *Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах*. Том 3. К юбилею Э. В. Ртвеладзе. М. 717–725. [Scripta Antiqua. *Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury: al'manah*. Том 3. К юбилею Э. В. Ртвеладзе. Moskva: 717–725]
- LURJE, YAKUBOVICH, forthcoming — LURJE P., YAKUBOVICH I. The Myth of Sogdian Lambdacism. In: D. Durkin-Meisterernst (ed.). *Zur lichten Heimat: Studien zu Manichäismus, Iranistik und Zentralasienkunde im Gedenken an Werner Sundermann*. Ed. Team “Turfanforschung”, 2017: Harrassowitz Wiesbaden 319-342.